

ОР 84

К 19

Д
И
А
Н
А

К
А
Н

Сотдиана

орх
К-19

Диана Кан

84(2Рос-Рус)6-5

Создана

Сборник стихов

Самарское отделение
Литературного Фонда России

1998

Оренбургская
областная науч. с
библиотека
им. Н. К. Крупско.

269456

СЛОВО

Золотые отшвырнув оковы,
по миру босое – Боже мой! –
русское заплаканное Слово,
ты идешь с поникшей головой.

Не согреет мировая слава,
не спасет у жизни на краю...
Призывают вороны картаво
сто смертей на голову твою.

Расхрабрились, навалились скопом...
Что же, на миру красна и смерть!
Только всем Америкам-Европам
все равно тебя не одолеть.

Бедами болезнями твоими
Русь живет и крепнет, не шутя.
Ты у Божьей Матери Марии
тайное любимое дитя.

Сколько б над тобою ни клубились
вороны в завистливой тоске,
так и говорить не научились
на твоём великом языке!

Все чаще, неизбежней и шальной
ты снишься мне, казацкая фуражка,
степное ржанье яйцких коней,
имперский посвист есаульской шашки.

Уже неважно, где чужой, где свой.
И тот, и этот стали мне судьбою.
России предстоит последний бой –
смертельный бой за жизнь с самой собою.

Заплакать бы над Родиной навзрыд,
завыть сквозь торжество хазарских луков...
Глядит с портрета – плакать не велит
мой дед-казак Андрей Степаныч Струков.

Угрюмое наследие в крови,
а все ж дела мои не так уж плохи,
покуда говорю я о любви
моей, в любовь не верящей, эпохе.

Отзвенели знойные мониста.
Утекли раздольные шелка.
Я очнулась. Надо мной со свистом
плыли грозовые облака.

Вслушиваясь в облачные стоны
и некстати улыбаясь, я
кулаки раскрыла, как бутоны,
в предвкушеньи смертного гвоздя.

Вылетая из темницы тела
раненою ласточкой, душа
на ладонь Господнюю летела,
крыльями разбитыми шурша.

Мне ль, достигшей возраста Христова,
суету сует сжимать в горсти?
Время надевать венец терновый,
на Голгофу тяжкий крест нести.

Старуха, сносившая тело дотла,
из зеркала глянула строго...
И я отшатнулась: "Все врут зеркала!
Стеклашки, противные Богу!"

Стереть отраженье дрожащей рукой.
Разбить. Разметать. Занавесить.
Почто же гляжу с потаенной тоской
в него почитай уж лет десять?

Украдкой глотая скупую слезу,
предвижу свое поражение...
За что ж на меня ядовитый свой зуб
имеет мое отраженье?

Во мне еще май лучезарный сквозит,
и песнь соловьиная льется,
но злая старуха мне пальцем грозит
и молча, беззубо смеется.

Растерзанная проклятая жизнь...
Неумолимая – мое настало время! –
я усмехнулась: "Ну, теперь держись!",
как в омут, ногу окуная в стремя.

О, как бодрит и как ласкает слух
неистовая музыка проклятий!
Коль надо выбирать одно из двух,
я откажусь от ласковых объятий.

Змеится-тает вьюжная фата
и улетает с головы, как птица.
Холодной белой розою у рта
цветет мороз январский и искрится.

Редет корабельных сосен ряд
от ветра, раскаленного погоней.
Глаза мои раскосые горят,
как блики от лампы на иконе.

Божественная мне открылась вьсь,
и небеса сменили гнев на милость...
Ты обо мне усерднее молись,
чтоб и во сне тебе я не приснилась.

Дрожь понурых станционных кленов.
Силуэт, мелькнувший у окна.
Вихрем убегающих вагонов
девичья коса расплетена.

Тополя надломленная ветка.
В полумраке вздрогнувший вокзал.
Не пойму – начало это века
иль его трагический финал?

Если это все же не начало,
то откуда девичья коса?..
Целое столетие умчало,
век опередив на полчаса.

Словно моя юность одиноко,
гулками колесами звеня,
странная, как Незнакомка Блока,
унеслась, не взяв с собой меня.

ФИКЕ

Принцесса Ангальт-Цербстская Фике,
хвала тебе, и честь тебе, и слава!
Надежно в твоей крошечной руке
покоится российская держава.

Ты смотришь из имперского окна,
не поведешь надменной царской бровью,
как бьют фонтаны красного вина
на площади дурной голштинской кровью.

Пируют твои верные полки,
по всем церквам тебе поют "Осанны".
И по щелям забились пруссаки,
как в Ропшинском трактире тараканы.

Любуются тобой издалека
орлиные глаза Орловых-братьев.
Мундир Преображенского полка
преображает пуще бальных платьев!

Хоть иногда и, вздрогнув на виске,
забьется жилка суетной любовью...
Ты плачешь, бесприданница Фике?..
На все теперь твоя монаршья воля!

Непогода за окном ярится...
Ночь долга, и Натали строга...
Запах флорентийского ириса
осенил российские снега.

Мрачный Дант, Петрарка огнеликий,
и любой, кто был хоть раз влюблен,
знает незапамятные лики
непрístupных теремных Мадонн.

Вновь Пегас взлетает вдохновенно
в небо, где тесовое крыльцо,
где сияет на руке нетленной
звонкое заветное кольцо.

Свет небесный и непостижимый!
Сквозь шальной круговорот веков
на него летим... Но снова мимо!
Просиял вдали и был таков.

Там, где не видать во тьме дороги,
вспыхнул лепесток черновика...
На полях выводит профиль строгий
пушкинская смуглая рука.

Отныне даже не знакомы.
И оказалось – не беда.
Меня хотел ты видеть скромной?
Так не увидишь никогда!

Я улыбаюсь всем прохожим
мужчинам, старше двадцати.
Да и они, признаюсь, тоже...
Ну, как ты это мог снести?

Теперь забудь, как в чем-то алом,
пришпорив белого коня,
ты пил "Смирновскую" бокалом,
с улыбкой глядя на меня.

Как ветром уносило шляпку
с моей беспутной головы.
Как преподнес ты мне охапку
осенней золотой листвы...

Да, были странно мы похожи,
но наши разошлись пути.
И – саблей, вырванной из ножен,
ищу тебя, боясь найти.

* * *

От бездомных людей и безлюдных домов,
от облитых луною фонарных столбов,
от любви и раскаянья на волоске
ухожу, утопая в поющем песке.

Кто-то каждой песчинкой мне шепчет: "Вернись!",
но не слышу, взлетая и падая вниз.
К пересохшему руслу умершей реки
выхожу, путеводной звезде вопреки.

Усыпальницы дремлют. Барханы текут.
Я бы здесь поселилась, но здесь не живут.
Я бы здесь родилась, но бесплодны пески...
...Чтобы здесь умереть, не достанет тоски.

ХОМУТ

Заклятые друзья поймут...
А что еще им остается?
Была бы шея, а хомут –
он обязательно найдется.

Но мой Пегас при всем при том
строптивым был – а как иначе?
Он не ходил под хомутом
подобно водовозной кляче.

Порывист был и норовист.
Струной вытягивая тело,
летел на мой разбойный свист,
когда в три пальца я свистела.

Презрев и повод, и узду,
его душа простор любила.
И небо в лоб ему звезду,
как царское тавро, вlepило.

С чего бы лезть ему в хомут
подобно водовозной кляче?..
Мои враги меня поймут.
Друзья заклятые – тем паче.

* * *

О, подлецы, с которых взятки гладки!..
Я и таких знавала на веку.
Но вновь и вновь с лукавством азиатки
я вас целую в правую щеку.

Любезные мои, вы не устали?
Не утомились от такой любви?
Она – клинок текинской пылкой стали,
что закалился на моей крови.

Отравленный смертельным вашим ядом,
он был мудрее, чем уста змеи.
И не было почетнее награды,
чем вы, лихие кровники мои.

Не лгавшая ни именем, ни слогом,
пред вами не склонила я главу.
И в час, когда предстану перед Богом,
я всех вас – поименно! – назову.

День ото дня уходят силы.
Тускнеет белый свет,
как будто в свежую могилу
закопан мой портрет.

И тот, кто был отвергнут мною,
кого я не хочу,
обратной страшной стороною
поставил мне свечу.

Собрат рогатый мой, проказник!
Ты сам того искал.
И вот вся в черном, словно праздник,
я выйду из зеркал.

И в час последний полнолуния
обнимемся с тобой...
Заплачут на гитаре струны –
все враз, наперебой.

И скрестятся бокалы с ядом
в последний этот час...
Давно все сковородки ада
соскучились по нас.

О, Согдиана, родина моя!
Я руку протяну, а ты отпрянешь
и острие дамасского копья,
обороняясь, в грудь мою направишь.

Но не спасет усталый бог огня
тебя, коль в нем еще остался разум,
ни от стихов моих, ни от меня,
ни от моих потомков сероглазых.

Они взойдут однажды все равно –
суровые, как северное солнце.
В крови их, будто древнее вино,
седая азиатчина всплеснется.

Пустынный ветер словно паруса
раздует их славянские хитоны...
Моим потомкам посмотрев в глаза,
ты вспомнишь византийских иконы.

Строителю Покровского собора

Не думать о тебе – почти измена,
когда душа – обитель тишины,
и я вдыхаю, преклонив колена,
исконное дыханье старины.

Потом брожу безвестной и бесправной
среди средневековых гулких плит.
Немею, обожжённая об холодный,
Тобою отшлифованный гранит,
где редкая зазубринка, как веха
в размеренном течении веков,
хранит неумирающее эхо
Тобой когда-то сделанных шагов.

Оренбургская
областная научная
библиотека
им. Н. К. Крупской

a-269456

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66